

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2014

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1946

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Черномордик С. — Декабрьское вооружённое восстание 1905 года и Московский совет рабочих депутатов	3
Иванова О. — Петербургская боевая организация большевиков (1905—1907 гг.)	37
Асмус В., проф. — Борьба философских течений в Московском университете в 70-х годах XIX века	56
Веселовский С., проф. — Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году	86
Архангельский С., проф. — Отношения Англии с протестантской и католической Европой (1654—1658)	105

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Лебелянская А. — Архив Пушкарского приказа	122
Дьяконов М. — История древнего Ирана	130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Юшков С., проф. — Греков Б. Борьба Руси за создание своего государства	140
Яцунский В. — Витвер И. Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию капиталистического мира. «Учёные записки Московского государственного университета»	144

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	147
-------------------------------------	-----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

В. А. — Сессия Отделения истории и философии АН СССР	150
Хохлачёв В. — Первый пленум Якутского научно-исследовательского института	153
Марлинский С. — Научная работа одесских историков	155
Историческая наука за рубежом	156

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения 2014

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ с ПРОТЕСТАНТСКОЙ и КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕВРОПОЙ (1654-1658)

Сергей Иванович Архангельский

тематически связанные материалы указаны после текста статьи

I

Английская революция протекала в эпоху, когда западноевропейский мир в церковно-религиозном отношении был расколот на католические и протестантские страны и когда это деление продолжало оказывать сильное влияние на международные отношения. Западная Европа была ещё полна отзвуков реформационной эпохи. Естественно, что английская внешняя политика середины XVII в. не могла не считаться со сложившимся исторически разделением Западной Европы на два лагеря.

Исходным пунктом в анализе отношений Англии с протестантской и католической Европой во второй половине 50-х годов XVII в. могут служить три замечательные парламентские речи Оливера Кромвеля, произнесённые им 4 сентября 1654 г., 17 сентября 1656 г. и 25 января 1658 года. Освещая главное направление внешней политики Англии в европейских делах, они определяют её цели и задачи в том понимании, какое тогда имел глава английского государства О. Кромвель.

Как представитель поколения людей, мировоззрение которых было проникнуто религиозностью, он подходил к общественно-политическим событиям своего времени с провиденциальной оценкой их. В ходе событий большого исторического значения английский народ играл, по мнению Кромвеля, особую, предназначенную ему свыше роль: «Я уверен, я могу сказать это без преувеличения, на ваших плечах лежит забота о христианах всего мира»¹.

Но Европа раскололась на католическую и протестантскую половину, которые тогда гадохились если не в открыто враждебных отношениях друг к другу, то близких к этому. Все симпатии Кромвеля были на стороне протестантизма; этим определялось его отрицательное отношение к папству; он приравнивал папские интересы к интересам антихриста². Местами его политические речи переходили в проповедь, и он уснащал их текстами из книг ветхого и нового завета. Симпатии Кромвеля к западноевропейскому протестантскому миру окрашивались сознанием его принадлежности к английской нации, заботой об её благополучии и процветании.

Для подтврждения традиционных основ принятого им политического курса Кромвель приводил исторические справки и сопоставления, обращался к веку королевы Елизаветы, когда Англия вела упорную борьбу с Испанией и помогала оказавшейся неблагодарной Голландии. Кромвель умел в тонкое кружево слов, обращённых к религиозному и национальному чувству слушателей, вплести соображения об экономических выгодах, которые принесёт английским предпринимателям проводимая им внешняя политика. Слова об открытии Зунда для английской торговли, сказанные им в связи с заключением мира с Данией, были рассчитаны на то, чтобы вызвать чувство удовлетворения у купцов и владельцев кораблей. Они звучали как обращение к практическому смыслу аудитории, который у самого Кромвеля хорошо мирился с текстами из библии.

¹ Carlyle «Cromwell's letters and speeches», VIII, 18.

² Carlyle. Op cit, IX 166

Речи Кромвеля — это не отчёт перед парламентом, не изложение всех обстоятельств, сопровождавших ту или иную политическую акцию: они выдвигают лишь некоторые главнейшие вопросы международного характера, рисуют лишь главные вехи английской политики, уже поставленные Кромвелем и его помощниками. На достигнутые дипломатические успехи, на главные враждебные Англии силы, на грозящие трудности и опасности хочет обратить внимание своей аудитории Кромвель. Эта аудитория чутко прислушивалась к словам и намёкам своего руководителя; она реагировала на это возгласами, которые подчёркивали или разъясняли смысл кромвелевской речи.

Таким образом, парламентские речи Кромвеля — в известной степени своеобразный диалог между ним и аудиторией; они носят на себе печать и личности их автора и того круга слушателей, к которому обращался О. Кромвель, а также места и времени их произнесения. Вот почему их удобно взять за исходный пункт для ориентировки в отношении Англии к протестантской и католической Европе в период 1654—1658 годов. Анализ трёх парламентских речей Кромвеля представляет ещё то методологическое преимущество, что они были произнесены в начале, середине и конце периода кромвелевского руководства внешней политикой Англии и, таким образом, представляли отражение трёх её последовательных этапов и одновременно раскрывали связи этой политики с ходом внутренних, в основном классовых, борьбы в Англии.

В сентябрьской речи 1654 г. Кромвель говорил об успехах английской дипломатии, добившейся заключения в течение одного года (1654) четырёх мирных договоров: с Данией, Швецией, Соединёнными провинциями и Португалией¹.

«Мы накануне договора с Францией,— добавил далее Кромвель.— Мир с протестантскими странами гарантирует успех протестантского дела за границей; без этого мира им нельзя оказать никакой помощи. Я хочу, чтобы наши сердца были проникнуты ревностью к протестантскому делу». Кромвель обратил внимание английского парламента на тяжёлое положение протестантов во всех наследственных землях императора: оттуда стараются изгнать всю протестантскую часть населения; оно вынуждено бежать в протестантские государства в поисках куска хлеба. Кромвель призывал при создавшихся условиях помочь протестантам, поднять их дух².

Таким образом, в этой речи подводились итоги достигнутым успехам, намечалась программа будущей внешней политики Англии: поддержка протестантских государств Европы и помощь преследуемым протестантам. На отношение Англии к католическим государствам Кромвель сделал лишь один, правда, недвусмысленный намёк: «Я уверен, вы не ожидаете ничего хорошего от кого-либо из ваших католических соседей...» «Да точно, мы не их любимцы...» — последовал возглас из палаты общин.

Через два года О. Кромвель снова выступил с речью, где рассматривал внешнее и внутреннее положение Англии. Он держал её перед вторым парламентом протектората, после введения военного управления в стране через генерал-майоров, в начале войны с Испанией. По отзыву одного из дипломатов того времени, это была тонко продуманная и яркая речь³.

Её основной целью было показать связь между внешними врагами Англии (Испания и папство) и внутренними, начиная от кавалеров и до левых сектантов. Испания была названа естественным и провиденциальным врагом англичан, которым от неё нельзя получить честного и почётно-го мира. Испанская политика была объявлена направленной к созданию империи, объединяющей весь христианский мир, если не больше. Испа

¹ См. нашу статью «Внешняя политика Ол. Кромвеля» «Исторический журнал» № 5—6 за 1943 год.

² Carlyle. Op. cit., VIII, 33.

³ «Venetian Calendar», XXX, 266.

ния, по словам Кромвеля, видит в английской нации величайшее препятствие на пути создания империи. Зато Англия имеет общие интересы со всеми протестантскими государствами. «Все интересы протестантов в Германии, Дании, Гельвеции, в кантонах, все интересы в христианском мире те же, что и ваши... Вследствие этого я говорю, что нам угрожает опасность от общего чужеземного врага»¹. Этим врагом является папство. Кромвель охарактеризовал папу Александра VII как лицо, известное всему миру ревностью к религии, как человека изобретательного, умного, ловкого. Его цель — объединить все католические интересы во всем мире против Англии, против всех протестантских сил в мире. Таким образом, мир политический и религиозный представлялся Кромвелю резко расколовшимся на две половины: «Мы не имеем теперь дела ни с одним католическим государством кроме Франции; известно, что французы не считают себя связанными с папой, они считают себя обязанными свободно и честно выполнять соглашения с нациями и протестуют против обязанности «нарушить своё слово, по приказанию папы». Испания и папство связаны, по представлению Кромвеля, с внутренними врагами существующего английского строя. «Испания ищет опоры внутри нашей страны Паписты в Англии... с тех пор как я родился, испанизированы»², — говорил Кромвель. Всюду в Англии, в Ирландии и в Шотландии — Испания оказывала покровительство врагам Англии. Относясь отрицательно к испанофильской полчиге Якова I, Кромвель возвращался к тем традициям внешней политики Англии, которые восходили к временам королевы Елизаветы.

Третья и последняя речь Оливера Кромвеля, освещающая внешнюю политику Англии, была им произнесена 25 января 1658 г. перед первым парламентом, собранным уже на основе второй конституции протектората. Война с Испанией продолжалась. Английская дипломатия стремилась укрепить влияние Англии среди протестантских государств и вела борьбу за протестантскую кандидатуру на императорский престол, ставший вакантным после смерти Фердинанда III, но успеха не имела. Речь Кромвеля, заранее подготовленная, распадается на две почти равные части. Вначале он говорил о внешнеполитических событиях, потом перешёл к изображению внутренней жизни Англии. По словам венецианского наблюдателя, Кромвель подводил своего слушателя к пониманию современного положения, призывая обсудить его и принять соответствующие решения для укрепления правительства³. Обращаясь к иностранным делам, Кромвель отметил, что самый важный, стоящий на очереди вопрос состоит в том, будет ли христианский мир папским или бог позаботится об интересах всех христиан-протестантов в мире. Кромвель останавливался на наступательной политике католических держав. «Посмотрите, как Австрийский дом на обоих концах христианского мира, в собственной Австрии и в Испании, вооружился и подготовился разрушить всё протестантство в целом»⁴.

Союзником венгерского короля, который стремился к короне императора, стал Бранденбургский курфюрст. На его стороне три духовных курфюрста и курфюрст Баварии. Гонения на протестантов возобновились и на востоке (Польша) и на западе. Во главе преследований стоял папа: он влиял на государей Европы. «Не достигнуто ли всюду в Европе в данный момент согласие и объединение всех католических государств, чтобы подавить всё, что стоит на их пути?»⁵.

Чтобы подчеркнуть грозную опасность, нависшую над протестантским миром, Кромвель указал на то, что защитника протестантизма на севе-

¹ Carlyle Op cit IX, 168

² Ibidem, 167

³ «Venetian Calendar», XXXI, 162

⁴ Carlyle Op cit, X, 331.

⁵ Ibidem, 333.

ре — Карла X — загнали в угол люди протестантской веры, которые искали его гибели. При этих словах раздались крики: «Датчане и голландцы!» В событиях, развернувшихся далеко от Англии, Кромвель усмотрел явную опасность для английской буржуазии, которая может лишиться торговли на Балтийском море, чем будут подорваны её кораблестроение и флот.

Как бы оправдывая войну с Испанией, Кромвель говорил далее, что море, великая ограда Англии, не защитит её, как и флот, если Англия не будет располагать отрядами конницы и пехоты и не будет сражаться ради самозащиты на континенте. Кромвель предусмотрел возможность выхода Франции из войны; он считал, что в этом случае вся ярость и злоба врагов бога и протестантской веры обрушатся на Англию.

Заключительная часть речи, где рисовались международные отношения, была посвящена резко отрицательной характеристике голландцев, их неблагодарности по отношению к Англии, которая в своё время спасла их, их коварству, их беспринципности. Эти острые замечания Кромвеля о голландцах обратили на себя внимание иностранных дипломатов, проживавших в Лондоне.

Третья кромвелевская речь отличалась от первых двух тревожным тоном, пессимизмом в изображении хода событий, указанием на угрозу изоляции Англии и на успехи католической реакции в Европе, которая спланировала свои силы, вносила разлад в среду протестантов и переходила в наступление на всём фронте. Эти особенности третьей речи делаются ясны, если её сопоставить с оптимистическим тоном его первой речи, рисовавшей торжество мира и добрососедских отношений Англии с протестантскими государствами. Радужные надежды сменились в 1658 г. тревожным чувством нависших опасностей как внешних, так и внутренних. Говоря о внутреннем состоянии Англии, Кромвель неоднократно выяснял связь внешних врагов Англии — испанцев — с кавалерами. Единство кавалеров, воодушевляемых ежедневно из Фландрии и Испании, противопоставлено расколу, царившему среди сторонников революции. Безнадёжно звучали последние призывы Кромвеля иметь одно сердце и душу, одно намерение, охранять честные и справедливые права нации в момент, когда Англия всё больше теряла своё единство и стояла на пороге новой гражданской войны.

Через все три парламентские речи Кромвеля проходит, в сущности, одна главная мысль — об объединении и о поддержке со стороны Англии протестантов и протестантских государств Западной Европы против папства и его главной опоры — испанских, а также и австрийских Габсбургов. Но как эта мысль воплощалась в конкретных актах кромвелевской дипломатии?

II

Обратимся прежде всего к выяснению связей революционной Англии с французскими протестантами (гугенотами). Эти связи существовали, нужно думать, ещё до протектората Оливера Кромвеля. Венецианский посол во Франции Батиста Нани писал из Парижа 15 октября 1647 г., сообщая дожу о смерти вождя гугенотов Гассиона: «Штаты Голландии и лондонский парламент тайно сносились с ним, скрывая это от правительства; Гассион благосклонно выслушивал предложения стать главой протестантов»¹. После установления республики эти связи Англии с французскими гугенотами стали крепнуть.

В 1651 г. в Бордо, являвшемся центром фронды, где движение возглавлял Конти, были посланы из Англии Сексби и четыре других лица; из них трое должны были отправиться к гугенотам юга Франции². Сексби

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, 18

² Causin «Madame de Longeville», II, 464.

оказался предателем; судьба остальных неизвестна. Связи гугенотов с Англией подтверждаются донесениями из Парижа венецианского посла Микеля Моросини, сообщавшего своему правительству о том, что раскрыта связь между гугенотами Дьеппа и англичанами, и о том, что цель англичан была поднять гугенотов на восстание против королевского католического правительства Франции, после того как английские войска высадятся в Нормандии¹. Но ни высадки англичан, ни восстания гугенотов не последовало, и Мазарини предлагал своему послу в Лондоне Бордо высмеивать тех, кто верит слухам о восстании, но в то же время информировать его о всех связях англичан с Бордо и Ла Рошелью². Связи гугенотов с Англией продолжались при протекторате Оливера Кромвеля; но так как они носили сугубо секретный характер, то раскрытие их Мазарини ставил в прямую задачу Бордо. «Я уверен, вы не упустите случая раскрыть их, если будет возможность достичь цели при помощи того, кто вам дал информацию об этом секретном деле»³.

При этом важно было узнать время и место отправления проповедников из Лондона во Францию, их имена, местности, в которые они направляются, за кого они себя выдают.

«Скажу вам доверительно,— пишет Мазарини 8 мая 1654 г.,— недавно Кромвель старался побудить гугенотов помочь ему, уверяя их, что в этом случае он поддержит их со всей энергией»⁴.

Начиная со второй половины 1654 г. английская дипломатия стремится свои планы о покровительстве гугенотам перенести в плоскость переговоров, направленных на урегулирование отношений между Англией и Францией. Кромвель в разговоре с Бордо упрекал французское правительство в несоблюдении указов, изданных в пользу гугенотов, возможно, на основании обращения к нему со стороны последних. Французская дипломатия сразу испортила дело, выдвинув вопрос о положении католиков в Англии. Кроме того во Франции жили не только гугеноты, к которым Кромвель относился покровительственно, но и английские эмигранты во главе с королевской семьёй Стюартов. Отсюда вытекали два требования со стороны лорда-протектора: обеспечить права гугенотов и удалить из Франции Стюартов⁵.

В начале 1655 г. продолжалось обсуждение предстоящего договора между Францией и Англией. Договор содержал много важных пунктов, среди них был и пункт о гугенотах. Английские дипломаты настаивали на включении в договор декларации о том, что ни одна из договаривающихся сторон не будет помогать мятежникам другой, но что, если французские гугеноты поднимут движение, за которое король назовёт их мятежниками, французы не должны обвинять англичан в том, что они покинули их как мятежников, так как они, конечно, не удержатся от тайного обращения к лорду-протектору по всякому поводу, и он, очевидно, не будет расположен их покинуть⁶. В глазах венецианского дипломата эта претензия англичан была проявлением их высокомерия. К тому же времени относится и неудачная посылка Кромвелем во Францию с целью изучения настроения гугенотов проповедника Ступа, оказавшегося предателем и продавшегося французскому послу. Когда после ряда огоржений договор с Францией был составлен, в него оказалась включённой статья, гласившая, что гугеноты никоим образом не будут стесняемы в исповедании своей веры, но им будет предоставлена свобода, обеспеченная предшествующими договорами. Это вполне соответствовало намерению Кромвеля взять на себя высшее покровительство над протестантами Европы.

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, 199.

² Mazarin «lettres», VI, 123.

³ Ibidem, 144.

⁴ Ibidem, 157.

⁵ Ibidem, 133.

⁶ «Venetian Calendar», XXX, 48.

Это увеличивало его собственный престиж за границей и делало, как говорит венецианский дипломат, всю партию «еретиков» гораздо более влиятельной¹.

Когда в 1657 г. договор с Францией был возобновлён, то в него была внесена статья, обеспечившая не только права гугенотов на свободное отправление их религиозного культа, но и подобные же права англичан, проживавших в пределах Франции².

Покровительственное внимание Кромвеля привлекли и гугеноты соседнего с Францией Савойского герцогства. Это были жители долины Luserne и Angrone, нашедшие в своё время здесь себе убежище. Преследования их приписывались влиянию матери Савойского герцога, желавшей сделать угодное своей сестре — королеве Англии. Гонимые савойские гугеноты обратились за помощью в различные протестантские страны. Летом 1655 г. их просьба о помощи дошла до Кромвеля. Немедленно был начат сбор пожертвований в их пользу³. В начале 1657 г. в фонд помощи было уже собрано 90 тыс. ф. ст., и к одному из казначеев этого фонда, вероятно, альдермену Томасу Вайнеру, Кромвель обращался за финансовой поддержкой в момент оскудения государственного казначейства, благодаря войне с Испанией⁴. В Лондоне царило большое возбуждение, вызванное известиями о преследованиях савойских гугенотов. Оно повело к изданию суровых прокламаций против английских католиков. Говорили, что Блэку, эскадра которого находилась тогда в Средиземном море, будет предложено высадить десант в Вилла Франка. отомстить за обиды гугенотов, взяты на английские корабли возможно больше гугенотских семей и переселить их в Ирландию⁵.

Но Кромвель избрал путь дипломатического воздействия на Савойского герцога вместо применения открытой репрессии. В беседе с французским послом Бордо он заявил, что король Франции, имеющий большое влияние на Савойского герцога, обязан сделать представление герцогу об облегчении положения гугенотов. В зависимости от исполнения этого условия Кромвель поставил подписание договора с Францией⁶. Из письма Мазарини к Бордо видно, что французское правительство сделало представление Савойскому герцогу в указанном смысле. Эти попытки оказать защиту гугенотам через дипломатические каналы продолжались и позднее — в 1657 и 1658 годах.

В обширной докладной записке венецианского посланника Джиованни Сагрето о событиях английской революции было указано, что в Англии поддерживаются добрые отношения с швейцарскими протестантскими кантонами и вообще тесная дружба со всеми «еретиками». Кромвель называет себя вождём и покровителем реформированной церкви⁷. В этом отношении докладная записка Сагрето вполне совпадала с другой, более поздней докладной запиской «Об иностранных делах в эпоху протектората», вышедшей, надо думать, из-под пера Зсорло. В записке говорилось, что Кромвель во всех случаях принимал близко к сердцу дела и интересы протестантов и положил основание для того, чтобы стать их главой и покровителем⁸.

III

Англия в своей политике, проводимой в Европе, стремилась опереться не только на гугенотов Франции и Савойи, но и на протестантов Германии и Швейцарии. По словам Мазарини. Кромвель 3 октября 1654 г. по-

¹ «Venetian Calendar», XXX, 156—157.

² Ibidem, XXXI, 51.

³ Ibidem, XXX, 63.

⁴ Ibidem, XXXI, 174.

⁵ Ibidem, XXX, 63.

⁶ Mazarin Op. cit., VI, 488—491.

⁷ «Venetian Calendar», XXX, 310.

⁸ «Somers' Tracts», VI, 336.

сылал людей в Германию и Швейцарию, чтобы осуществить свой план стать главой протестантской Европы¹. Условия для этого были действительно благоприятны. Вестфальский мир вызвал открытое недовольство папы и испанского короля. Иннокентий X в своей булле от 26 ноября 1648 г. заявлял, что вестфальские договоры вредны католической религии, божественному культу, апостольскому престолу, подначальным церквям, церковному порядку и строю, а также наносят ущерб духовенству, его имуществам, его владениям, его привилегиям и авторитету. Исполнение вестфальских договоров папа объявил необязательным для государей, хотя бы они скрепили их торжественными клятвами².

Испанский король протестовал против пункта, возмещавшего Германской империи приходиться на помощь Бургундскому округу, а также против уступки Эльзаса и эвакуации нижнего Палатината³. Но и те, кто открыто не протестовал против Вестфальского мира, готовили силы и средства для новой войны. После окончания войны предстоял роспуск армий и освобождение крепостей и территорий, оккупированных во время военных операций. Конвенция, подписанная в Нюрнберге 4 июля 1650 г. между Францией и империей, назначала три срока для эвакуации крепостей в период от 2 мая до 2 августа 1651 года. Император Фердинанд III сохранил на своей службе Лотарингского герцога Карла IV. Распуская свои отряды, он советовал им перейти на службу в лотарингскую армию, так что роспуск войск обращался, в сущности, в простую формальность. Тревога, внушённая этими отрядами мелким государям Германии, побудила их составить лигу, в которую вошли курфюрсты Майнцский, Трирский, Кёльнский, пфальцграф Рейнский и епископ Мюнстерский. В ту же лигу были приглашены Швабия, Франкония и Нижняя Саксония. Лига получила название католической.

В это время королева Швеции Христина, герцоги Брунсвикский, Люнебургский, ландграф Гессенский заключили договор в Гидельсгейме с целью охраны своих территорий. Так возникла вторая лига, получившая название протестантской.

За делами Германии наблюдала французская дипломатия. Франция требовала для себя допуска в эти лиги; Фердинанд, наоборот, добивался их ликвидации и для этой цели созвал сейм в Ратисбоне в 1653 году. Когда на сейм прибыл посол английского короля Генри Уильмот, граф Рочестерский, голландцы стали побуждать ганзейские города добиваться совместно с ними, чтобы посол Английской республики не был принят и не считался послом⁴.

По замыслу императора, решения сейма должны были успокоить гревогу князей, заинтересованных в выполнении условий Вестфальского мира, и сделать ненужными возникшие лиги. Но французская дипломатия сумела убедить князей Германии в том, что они заинтересованы в объединении двух лиг в одну, чтобы таким путём добиться независимости в отношении Фердинанда III. Так началась подготовка новой лиги; в совещаниях приняли участие курфюрсты Пфальцкий и Бранденбургский.

В Швейцарии в середине 50-х годов произошёл конфликт между католическими и протестантскими кантонами. «Это маленький огонь,—писал Сагрето 4 февраля 1656 г. дожу и сенату Венеции из Лондона,—но если он не будет потушен в самом начале, он приведёт к пожару, грозящему серьёзными последствиями. Протестанты соревнуются с католиками в помощи единоверцам»⁵. В то время как протестантским кантонам оказывал поддержку Кромвель, католиками заинтересовалась Испания. Таким образом, действительно под пеплом Тридцатилетней войны тлели искры

¹ Mazariu Op. cit., VI, 335.

² «Histoire des papes» VIII, 298.

³ Coxe «Histoire de la maison d'Autriche», III, 429.

⁴ «Venetian Calendar», XXIX, 8, 24.

⁵ Ibidem, XXX, 172.

нового европейского пожара. Это второе движение протестантов (если савойское считать первым) расценивалось современниками как более опасное. Протестантские кантоны Швейцарии обратились к императору, оправдываясь в том, что взяли за оружие. Они встретили одобрение со стороны Франции и Англии. Цюрих и Берн направили письмо Пфальцскому курфюрсту, сообщая, что они соединились со своими добрыми братьями, как они звали англичан, и приглашали курфюрста вступить в протестантскую лигу¹. В такой момент, когда протестантами была потеряна гарантия безопасного существования в Центральной Европе и всё снова пришло в движение, выступил Кромвель со своим планом сплочения протестантских государств, оказания помощи им и установления общих целей в борьбе с католической опасностью. Заключение договора между Англией и Францией в 1655 г., их совместная война против Испании приводили Англию неизбежно на путь активной борьбы против Фердинанда III, естественного, хотя и не открытого, союзника Испании, и против папства, тесно связанного с испанскими и австрийскими Габсбургами.

Навстречу английской дипломатии, казалось, шла дипломатия Бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, дипломатический агент которого Шлецер прибыл в Лондон в конце 1655 года. Вначале он не раскрывал своих карт в дипломатической игре, ограничиваясь актами вежливости. «Резидент Бранденбургского курфюрста,—пишет Сагрето,—кажется, не имеет здесь большего дела, кроме наблюдения за деятельностью шведского посла и за отношениями и комбинациями, которые с течением времени могут здесь сложиться»². Но уже в начале марта 1656 г. выяснилось, что он ожидает инструкций от своего курфюрста, чтобы добиваться союза с протектором: «Я на страже, чтобы раскрыть суть этих важных и тонких дел, и посылаю полные отчёты». Это замечание Сагрето делается вполне понятным, если иметь в виду, что в 1656 г. наметилось сближение Бранденбурга и Швеции, которая вела войну с Польшей с 1655 года. Кёнигсбергский и Мариенбургский договоры тесно связали эти государства. Победа под Варшавой над поляками 28 июля 1656 г., участие в бою наряду со шведскими также и войск курфюрста ещё более, казалось, объединили союзников. В Лабиау был заключён договор, по которому курфюрст получил суверенитет в Восточной Пруссии. Шлецер, излагая своему курфюрсту английскую точку зрения на ход событий в Западной и Центральной Европе, писал в донесении из Лондона, что англичане, ведя войну с Испанией, пытаются отнять у испанского двора все средства, которыми он мог бы вредить делу протестантов в Центральной Европе и поддерживать папскую тиранию³.

Сам Шлецер не был согласен с этим планом; он утверждал, что протестанты ещё не добились до сих пор никакого улучшения своего положения, что Англия только для самой себя сумела извлечь выгоды из войны с Испанией. Обстоятельства показывали, что не всего можно было достигнуть путём нападения на одну Испанию на море. В июне 1657 г. Кромвель дал вторую аудиенцию Шлецеру, во время которой протектор развил свои взгляды на задачу Бранденбургского курфюрста на востоке Европы в сложившейся обстановке и на его роль в деле борьбы с общим врагом протестантства. В задачу курфюрста входило нанести удар по австрийским Габсбургам, чтобы лишить их сил и средств выступать в Италии, Фландрии и в других местах⁴.

Эта же мысль Кромвеля сквозит и в докладной записке Зсорло, где государственный секретарь говорит, что целью Англии было вовлечь Бранденбург в союз Англии и Франции и освободить его от участия в

¹ «Venetian Calendar», XXX, 182.

² Ibidem, 160.

³ Erdmannsdorfer VII. «Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Fr. Wilhelm von Brandenburg», 771.

⁴ Erdmannsdorfer VII. Op. cit. 773

других коалициях¹. Подрыв влияния Габсбургов и упадок их могущества открыли бы путь для протестантского государя. Для осуществления поставленных целей шведский и бранденбургский посланники настаивали на отправке английской эскадры в Балтийское море, очевидно по примеру действий Англии в Средиземном море и в Вест-Индии, но это предложение было отклонено Кромвелем².

В начале августа 1657 г. в Лондон прибыл посланник Пфальцкого курфюрста. Он жил инкогнито и тайно наблюдал за положением дел в Лондоне, чтобы выяснить, на какой успех он может надеяться в своих переговорах. Содержание переговоров с ним держалось в глубокой тайне и было известно только дипломатическим представителям Швеции и Бранденбурга. Цель этого посланника, действовавшего столь таинственно, раскрывается, однако, уже в августовском донесении Джаварины из Лондона дожу и сенату Венеции. Его основная цель была поддержать добрые отношения с Англией и просить о помощи во всех превратностях судьбы. «Дело важное и стоящее внимания в наши дни»³, — замечает Джаварина. Посланник Пфальцкого курфюрста, нужно думать, был в курсе тех связей, которые существовали между его государем и швейцарскими кантонами.

Однако из попытки английской дипломатии объединить протестантских государей Германии и взять их под своё руководство ничего положительного не получилось. Бранденбургский курфюрст оказался изменником протестантскому делу. Уже в августе 1657 г. неожиданный отъезд из Лондона бранденбургского резидента Шлецера породил разные толки. Некоторые считали, что он не вернётся, так как предвидится разрыв между Бранденбургом и Швецией и переход Бранденбурга на сторону Польши⁴. Действительно, 30 октября 1657 г. состоялось свидание польского короля Яна-Казимира и Фридриха-Вильгельма I, их жён, дочерей и свиты, сопровождавшееся торжественным обедом. По польскому обычаю, пишет современник, середина стола — самое почётное место — была отведена для польского короля и его гостя, ставших союзниками⁵.

Этот союз вскоре стал известен и в Лондоне, так как уже 2 ноября Джаварина сообщал своему правительству, что шведские дипломаты в Лондоне настаивают на помощи ввиду заключения договора между королём Яном-Казимиром и Бранденбургским курфюрстом. По этому договору, курфюрст, получая Восточную Пруссию, освобождался от сюзеренитета польского короля⁶.

Союз с Польшей сделал совершенно естественным и следующий шаг Бранденбургского курфюрста — его переход на сторону австрийских Габсбургов. Это обстоятельство вызвало опасения протестантов в Германии, о чём свидетельствует венецианский посол в Германии Джованни Батиста Нани: «Этот союз Бранденбурга с австрийской группировкой причиняет большое беспокойство остальным протестантам, и в соответствии с этим они усиленно заняты переговорами о той лиге, о которой шла речь несколько недель тому назад, чтобы таким образом составить другую группировку в противовес возникшему союзу»⁷.

Как же на это реагировала Англия? Заметим, что это были последние месяцы жизни Кромвеля, проявившего тогда, не взирая на неудачи, усиленную деятельность и твёрдую волю к преодолению трудностей. Надо было ослабить коалицию, образовавшуюся против Швеции, к которой примкнул Бранденбургский курфюрст. В Швецию был направлен полков

¹ «Somers' Tracts», VI, 329—336.

² «Venetian Calendar», XXXI, 77.

³ Ibidem, XXXI, 99.

⁴ Ibidem, XXXI, 102.

⁵ «Lettres de Pierre des Noyers», p. 351.

⁶ «Venetian Calendar», XXXI, 125.

⁷ Ibidem, 153.

ник Джепсон. Хорошее знание военного дела могло помочь ему собственными глазами определить истинное положение Швеции, и он мог дать совет Кромвелю, как лучше всего поддержать Швецию против многочисленных вражеских армий, которые идут против неё. Тогда в Лондоне говорили о необходимости снарядить эскадру и послать её на помощь Швеции¹.

Инструкция Джепсона, в тайну которой не мог проникнуть венецианский дипломат, стала известна Шлецеру и была передана Бранденбургскому курфюрсту. Согласно этой инструкции, английская дипломатия стояла за тесный союз между Швецией и Бранденбургом, так как война между ними вредна общему делу, а также особым интересам курфюрста и его страны. Надо стремиться, чтобы на предстоящих выборах тигул императора получил представитель не Габсбургов, а другой фамилии. От этого зависят мир, свобода и религия. Пусть из этого возникнет война, но зато потомки получают прочный мир, на который теперь надеяться нельзя, пока у власти стоят иезуиты, самый дурной род людей².

Таким образом, Джепсон должен был стараться объединить протестантских государей вокруг задачи избрания нового императора, не принадлежащего к фамилии Габсбургов. С целью ослабить враждебность между Данией и Швецией и примирить их, в Данию был направлен посланник Мидас, который в ноябре 1657 г. сообщил Кромвелю, что датский король склонен принять посредничество Англии для примирения со Швецией³. Приблизительно в то же время был отправлен в Москву Бредшо, резидент в Гамбурге, английский посланник при Ганзейских городах. Его миссия не увенчалась успехом, но в данной ему инструкции было ясно сказано, что задача Бредшо — примирить таких «великих и могущественных государей, как московский великий князь и шведский король». «Если богу будет угодно так повернуть дело, чтобы посредничество увенчалось успехом, это будет служить к чести моего государя и к преуспеванию протестантского дела»⁴, — говорит Бредшо, отчётливо формулируя свою задачу.

Таким образом, в глазах Кромвеля защита протестантизма переплеталась с решением крупных и сложных политических задач: примирить противоречивые интересы Бранденбурга и Швеции, Швеции и Москвы, Швеции и Дании, подготовиться к борьбе за подходящего кандидата на императорский престол, ставший вакантным после смерти Фердинанда III, противопоставить дипломатии Ватикана, испанских и австрийских Габсбургов дипломатию Англии и других протестантских государств.

IV

Чтобы ещё яснее представить себе всю сложность борьбы протестантизма и католицизма в тогдашней Европе, надо учесть влияние папского престола, его политические планы и устремления.

Конечно, папство середины XVII в. уже не имело той силы в международных отношениях, какую оно представляло в XIII в., например в понтификат Иннокентия III. Но католическая реакция второй половины XVI и начала XVII в. несколько укрепила папский престиж. Папство заняло руководящую роль в борьбе с последствиями реформации. Оно связывало две ветви фамилии Габсбургов и влияло на их международную политику. Оно было глубоко враждебно и тому политическому строю, какой получила Западная Европа после Вестфальского мира и «пуританской революции» в Англии, и той религиозной идеологии, под знаменем которой проходила эта революция.

¹ «Venetian Calendar», XXXI, 93.

² Erdmannsdorfer. VII. Op. cit., 795.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 127.

⁴ Thurloe. Papers, VI, 773.

Чтобы ослабить Англию, папство стремилось примирить Францию с Испанией. На представления папского нунция о мире с Испанией Мазарини однажды заметил, что папские увещевания нужны в Мадриде, так как Кромвель после заключения мира между Англией и Голландией намерен напасть на эту страну, а папа, может быть, расстроит эти замыслы¹.

В переписке Мазарини с послом Бордо также встречаются указания на попытку Иннокентия X примирить Испанию и Францию. «Надо напомнить, что Карденья непременно сообщит протектору, что его государь, побуждаемый папой заключить мир и соблазняемый Францией почетными и выгодными условиями, не сможет помешать этому делу. Надо при этом подчеркнуть, что папа послал курьеров, чтобы настаивать перед обеими коронами и тем облегчить заключение мира»². Английские реакционеры-эмигранты искали поддержки в Риме.

Не случайным было заявление посла будущего английского короля Карла II — Генри Уильмота, графа Рочестерского, направленного к императорскому двору в начале 1653 г., — о том, что его государь склонен стать католиком, быть в союзе с императором и действовать в согласии с его интересами³.

В Ирландии папство подогревало враждебность ирландцев к Англии, и папский нунций Ринуччини только в марте 1649 г. покинул эту страну, поскольку его партия была в состоянии распада.

После смерти Иннокентия X, последовавшей 5 января 1655 г., собрался конклав для выбора нового папы, который заседал в течение четырёх месяцев: только 7 апреля 1655 г. папой был выбран кардинал Фабио Киджи.

Фабио Киджи, знатный человек родом из Сиены, принявший имя Александра VII, скоро обнаружил полное нежелание идти в фарватере французской политики; он продолжал вести дипломатическую линию своего предшественника Иннокентия X, стремился примирить Испанию и Францию. Он сделал настойчивое представление в Мадриде и Париже о том, чтобы оба короля без замедления назначили своих уполномоченных для ведения мирных переговоров в Риме.

Англия, разумеется, не имела своего дипломатического представителя на конклаве, как имели их католические державы Западной Европы, но она была глубоко заинтересована, кто будет избран на папский престол. Через месяц после выборов, 7 мая 1655 г., Паулуччи доносил из Лондона дожу и сенату Венеции: «Хотя выборы нового папы не коснулись их здесь, однако, общее мнение о том, что папа — человек высокого ранга, благоприятствующий умиротворению и успокоению христианского мира, кажется вызвало у здешнего правительства некоторое недовольство тем, что мир и единство могут быть достигнуты через светское и церковное влияние такого государя»⁴. Кромвель направил в Рим доктора Томаса Бейли, чтобы он секретно наблюдал и доносил подробно всё, что он может разузнать о планах нового папы. Но доктор Бейли, видимо, не сумел долго сохранить тайну своих поручений, и в декабре она стала известна в Риме.

О таинственной посылке Кромвелем некоего иезуита-англичанина знал уже венецианский резидент в Неаполе во второй половине июля того же, 1655 года. «Во Франции, Испании, Германии и Венеции они также имеют малозаметных людей, которые время от времени дают важные сведения: будучи под слабым наблюдением, они проникают всюду», — сообщает Сэгрето из Лондона 26 ноября 1655 года⁵.

¹ «Venetian Calendar», XXIX, 176.

² Mazarin Op. cit., VI, 131.

³ «Venetian Calendar», XXIX, 28.

⁴ Ibidem, XXX, 53.

⁵ Ibidem, 84.

Деятельность Александра VII, проявившаяся в его усилиях приостановить церковно-религиозные раздоры в Швейцарии, чтобы они не распространились на Италию, его демарш перед французским и испанским дворами в пользу мира, о чём шла речь раньше,— всё это побуждало Кромвеля принять свои меры против католической опасности. По словам упомянутого выше Сагредо, в Лондоне понимали, что сохранение нового английского строя в большой мере зависит от того, будут ли воевать между собой католические государи, и поэтому тоже внимательно наблюдали за каждым шагом папы в подготовке переговоров о мире между Францией и Испанией¹. Оживление активности в католической группировке в связи с выборами нового папы побудило Кромвеля издать суровую прокламацию о точном соблюдении законов и указов, направленных против католиков в Англии. В свою очередь папская дипломатия зорко следила за текущими событиями. Один из руководящих советников папы предлагал расстроить соглашение Англии, Португалии и Франции против Испании и, стало быть, во вред католической религии, в особенности соглашение Португалии с «еретиками». Единственным для этого средством он считал возможность принять её в лоно его святейшества, допустить в Рим её посла и пытаться примирить с Испанией².

Папский нунций в Париже внимательно наблюдал за отношениями между Францией и Англией. Продолжительное пребывание посла Бордо в Париже, вызванное трудностями внесения больших платежей, которые требовал Кромвель от французского короля, порождало в нунции радостную надежду, что, может быть, возобновятся переговоры о мире с Испанией и распадётся союз между Францией и Англией, «столь вредный для интересов христианства»³. Папский нунций в Польше, беседуя с секретарём польской королевы Марии Гонзаг 8 ноября 1655 г. в связи с успешным вступлением шведов в пределы Польши, говорил о том шуме, который поднялся по поводу дела савойских гугенотов. Часть Европы, по его словам, оказывается растроганной судьбой дюжины протестантов, но никого не тронет гибель целого католического государства. «Протестанты гораздо более ревностны к своей религии, чем католики к своей»⁴. В донесениях Шлецера из Лондона за 1656 и 1657 гг. встречаются указания на широкую деятельность иезуитов в Англии, выступавших под маской милленариев, квакеров и других сектантов. В донесении 15 мая 1657 г. Шлецер говорит о работе в Англии папских эмиссаров, о выпуске в свет книг и памфлетов против Кромвеля, о деятельности 1500 католических священников⁵. Он считал понятной эту активизацию папской политики, так как Англия ведёт войну с Испанией, чтобы отнять у неё средства вредить протестантам и поддерживать папскую тиранию⁶. Всё это делает гонимым ту резко отрицательную оценку, которую Кромвель дал папству в своих парламентских речах. Когда английская эскадра под командой Блэка появилась в Средиземном море, что было вызвано стремлением англичан прекратить пиратские операции мавров,— этот факт сильно обеспокоил папу Александра VII. Беседуя с венецианским послом в Риме Джироламо Джустиниани, он спрашивал его о количестве английских кораблей и их экипаже, о силе эскадры и её намерениях. «Мы боимся неожиданного удара по о. Эльбе, по порту Эрколе или по какой-нибудь другой части этих берегов»⁷.

Страхи папы оказались напрасными, но они характеризуют взаимную подозрительность в отношениях между Англией и папством в те

¹ «Venetian Calendar», XXX, 141.

² Ibidem, XXXI, 173.

³ Ibidem, XXX, 183.

⁴ «Lettres de Pierre des Noyers», 9.

⁵ Erdmannsdorfer VII Op. cit., 770.

⁶ Ibidem, 771.

⁷ «Venetian Calendar», XXX, 202.

годы. Папа продолжал добиваться заключения мира между Испанией и Францией, действуя через своего нунция при французском дворе; при этом нунций выступал совместно с венецианским послом. Мир Испании с Францией увеличивал шансы Венеции на их помощь в войне против Турции¹. Враждебность Рима к Англии продолжала упорно держаться и выразилась в 1658 г. в таком характерном факте, как распространение римскими правящими кругами слухов о том, что после передачи Мардика англичанам там монахи подверглись насилиям, а церкви были снесены, хотя таких фактов и не было².

Англия также продолжала сохранять большую враждебность к папству, её питали не только религиозное разномыслие, но и политические причины. В донесении Джаварины из Лондона от 20 декабря 1658 г. говорилось, что враждебность к папе поддерживается здесь некоторыми очень едкими сочинениями, направленными против протектора, которые вышли из Рима с позволения папы и с одобрения испанцев.

«Правительство очень раздражено этим; одно доверенное лицо, знающее, что происходит в тайниках правительства, сообщило мне, что жалобы купцов на папу и свобода, данная в Риме злым языкам, которые никогда не переставали выступать против существующего в Англии правительства, могут раздражить настолько, что англичане будут вынуждены принять неожиданные меры. Они, конечно, имеют силу, и при желании не было бы большого труда им сделать рейд на берега церковного государства, разрушая, грабя и вымещая чрезвычайную злобу»³.

Этот прогноз венецианского дипломата оказался несостоятельным. В скором времени всё изменилось: и внутреннее положение Англии и международная обстановка. Эти изменения происходили в течение 1659 и 1660 годов. Протекторат пал, уступая место реставрированной монархии; Франция и Испания заключили Пиренейский мир.

V

Линия английской европейской политики пересекалась с устремлениями не только папства, но и другой средневековой организации — империи. Выборы императора имели большое значение не только для Германии, где Габсбурги выступали как сильнейшие католические государи, но и для других европейских государств: Франции, Швеции, Англии. При императоре Фердинанде III был заключён Мюнстерский трактат между Германией и Францией, устанавливавший, что ни император, ни король Франции никогда и ни под каким предлогом не будут оказывать поддержки или помощи врагам другого⁴.

Однако этот важнейший пункт договора, имевший целью разъединить испанских и австрийских Габсбургов, не соблюдался императором. Мазарини, упрекая Фердинанда III в помощи Испании, писал д'Авгуру 14 октября 1656 г., что деятельность императора — явное нарушение Мюнстерского договора. Он также упрекал императора в том, что тот будто бы подстрекнул Москву к войне против Швеции. «Один пункт постарайтесь втолковать королю Швеции, что его истинный и вечный враг — дом австрийский; что его истинный союзник — Франция»⁵.

Причину того, что император не объявлял себя открыто противником Швеции и не становился на сторону Польши, Мазарини усматривал в желании императора свободно действовать в империи, использовать свои войска против Франции на других театрах военных действий. Дело в том, что когда герцог Моденский договорился с Францией вторгнуться в ми-

¹ Mazarin. Op. cit., VIII, 218.

² Ibidem, 251.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 275.

⁴ Mazarin. Op. cit., VII, 429.

⁵ Ibidem.

ланские владения и осадил Вальконца, то император направил против своего вассала — герцога Моденского — войска под командой барона Энкерфорта¹; в письме Мазарини от 15 декабря 1656 г. сообщалось о подготовке императором уже второй армии против Моденского герцога².

Англия, как союзница Франции в войне против Испании, не могла не быть враждебной императору, помогавшему Испании, не говоря уже о том, что Габсбурги являлись оплотом католической церкви. Кроме того сословия империи обязались собрать 400 тыс. талеров для поддержки короля Англии против Кромвеля. На это сообщение, сделанное императорским послом в Мадриде, Ламбергом, испанское правительство ответило советом императору порвать со Швецией, по соображениям государственным и религиозным. Таким образом, в политике империи чувствовалась направляющая рука мадридского двора³.

Император принял к себе на службу оставшегося без дела принца Руперта после крушения его морской авантюры, ему были даны командование полком и пенсия в 500 флоринов в месяц. «Руперт имеет сверх того,— сообщал венецианский посол в Германии Джованни Батиста Нани,— ежегодные ассигнования на большую сумму за счёт некоторых кредитов, принадлежавших Габсбургам»⁴.

Всё это были акты, враждебные новому английскому правительству. Естественно, что оно принимало свои меры против австрийских Габсбургов. «Цель союза Швеции и Англии,— писал Лизола, императорский посол в Швеции, 26 февраля 1656 г.,— состоит в борьбе против Австрии и особенно в том, чтобы отнять империю у этого дома; другая задача — борьба против Соединённых провинций с целью ослабить их и стать арбитрами мореплавания и торговли»⁵.

Несколько позднее в кругах кромвелевских дипломатов созревает план образования большой коалиции против австрийских Габсбургов. Мазарини желает через своего посла Бордо узнать, с какой целью предполагается союз Англии, Франции, Швеции, Дании, Соединённых провинций, предложенный государственным секретарём Англии: для защиты или нападения на Австрию. «Говоря правду, протектор имеет большой интерес принять меры предосторожности против Австрии, но мы не знаем цели протектора и уверен ли он в своих союзниках»⁶.

Таким образом, Франция и Англия имели кроме Испании ещё другого противника. Для Франции это был старый противник, опасный своей династической близостью к Испании. Мюнстерский мирный трактат, имевший целью предупредить повторное образование монархии Карла V в Европе, оказался недостаточно эффективным инструментом; Фердинанд III помогал Филиппу IV в его войне с Францией. У Англии были другие счёты с австрийскими Габсбургами: последние поддерживали реакционные силы Англии, стремившиеся низвергнуть новый политический порядок и даже, в конечном счёте, вернуть в Англии равноправие католикам. Пьер Нуайе, секретарь польской королевы Марии Гонзаг, под 1 июня 1656 г. помещает сообщение: «Нам писали, что король Англии и герцог Глостерский приняли католицизм в Брюсселе»⁷.

Невзирая на это различие в источниках, питавших франко-австрийские и англо-австрийские противоречия, руководители внешней политики Франции и Англии — Мазарини и Кромвель — были согласны в том, что в их общих интересах не допустить после смерти Фердинанда III (2 апреля 1657 г.) переход императорской короны к Габсбургам. Момент для

¹ «Venetian Calendar», XXX, 259.

² Mazarin. Op. cit., VII, 433.

³ «Venetian Calendar», XXX, 161.

⁴ Ibidem, 294.

⁵ Ibidem, 183.

⁶ Mazarin. Op. cit., VII, 436.

⁷ «Lettres de Pierre des Noyers», 176.

этого казался подходящим также и потому, что 9 июля 1654 г. умер старший сын Фердинанда III, носивший титул римского короля; его младший сын — эрцгерцог Леопольд — был лишь королём Венгрии и Богемии.

Уже в беседе со Шлецером 15 августа 1656 г. Кромвель интересовался, какой кандидат в императоры имеет больше шансов. В позднейшей беседе, 15 мая 1657 г., он определённо высказался в том смысле, что необходимо отнять у австрийского дома императорский титул, ибо этот дом близок с испанским, а последний имеет одну душу и одно тело с католической партией. Поэтому все протестанты заинтересованы в том, чтобы императорский сан не был в столь опасных руках ¹. Опубликованный Ферсом документ, возможно принадлежавший к коллекции бумаг Зсорло, призывал Англию вмешаться в выборы императора, так как, во-первых, Англия уже оказала реальную поддержку проповедникам евангелия в Швейцарии и Пьемонте; во-вторых, дом австрийских Габсбургов продолжает после Тридцатилетней войны оставаться самым опасным врагом друзей и союзников английской нации в Европе и пытается создать господство на море, чтобы лишить Англию безопасности; в-третьих, воспользоваться благоприятным моментом, когда Австрийский дом оказался перед трудностями, чтобы не утратить влияние в Европе и не лишиться поддержки европейских друзей в будущем, когда Испания и католическая лига приобретут новую силу и направят её против Англии, главы всего протестантского мира ².

Особый интерес к выборам императора, проявленный английскими политическими кругами того времени, выявился в составлении докладов на эту тему и их обсуждении. Мазарини также считал, что смерть Фердинанда III меняет положение дел к лучшему для Франции и к худшему для Испании ³.

Цель французской дипломатии была в том, чтобы помешать испанцам влиять на политику империи, но этого нельзя было достигнуть, если бы императором стал кто-либо из фамилии Габсбургов ⁴.

Мазарини отправил двух выдающихся французских дипломатов — Грамона и Лионна — наблюдать за ходом выборов будущего императора и оказывать влияние на курфюрстов. «Если мы вполне уверены в трёх духовных курфюрстах и в курфюрсте Бранденбургском, то не надо колебаться удовлетворить пфальцграфа, дав ему 200 тыс. экю, как он этого требует, чтобы иметь его голос, потому что этим путём король достигнет своей цели и ему можно будет также обещать, что когда дело его будет закончено, с ним заключат договор и союз» ⁵.

Мазарини рекомендует своим полномочным послам показать курфюрстам, что Франция желала мира с Испанией, но последняя своими превеликими претензиями в пользу Конде сорвала переговоры. Лишение австрийских Габсбургов императорского титула обяжет испанцев к миру. Влияние Испании на европейскую политику оставалось очень значительным. Король Венгрии и Богемии, эрцгерцог Леопольд, которым, по словам Мазарини, испанские министры правят ещё проще, чем они правили его отцом Фердинандом III, подтвердил все обещания, данные его отцом Польше, т. е. помощь против Швеции, за что Польша обеспечивала ему наследование его королевства. Леопольд отправил посланников, по большей части подданных испанского короля, к московскому царю, к Георгу III Ракоца, к Богдану Хмельницкому и датскому королю, чтобы создать лигу против Швеции ⁶.

¹ Erdmannsdorfer. VII. Op. cit., 767.

² «English Historical Review», July 1917.

³ Mazarin. Op. cit., VII, 451.

⁴ Mazarin. Op. cit., VIII, 84.

⁵ Ibidem, 71.

⁶ Mazarin. Op. cit., VII 488.

Беседа в июне 1657 г. с Кромвелем, Шлецер высказывался в том смысле, что сложилась благоприятная обстановка для передачи императорского титула другой фамилии. Но тогда Мазарини было уже известно, что маркиз Даго Фуэнтес, посол Испании при венском дворе, использует все средства, чтобы побудить бранденбургского посла посоветовать своему курфюрсту подать свой голос на будущих выборах императора за короля Венгрии. В октябре 1657 г. этот коварный замысел стал фактом, и Мазарини мог сообщить полномочным послам Грамону и Лионну, что Бранденбургский курфюрст присоединился к Австрии и Польше под условием уступки ему Пруссии и Эльбинга, пообещав свой голос королю Венгрии на выборах¹.

Кромвель при выборах императора имел в виду сплотить протестантских курфюрстов и их голосами провести в императоры своего союзника — шведского короля. Уже в задачу полковника Джепсона, отправленного в Швецию осенью 1657 г., входили переговоры, направленные к ослаблению австрийского дома, оплота католичества. Кромвель в начале 1658 г. продолжал вести переговоры с Шлецером по поводу выборов императора, удерживая его государя от перехода в австрийский лагерь и советуя сохранить тесный союз между курфюрстом и шведским королём. Бойну между ними Кромвель считал вредной для общего дела (*schädlich der gemeinen Sache*) и особенно для интересов курфюрста и его страны. Что касается императорской короны, то Кромвель считал, что её надо передать в другой дом, только не в австрийский. Это — дело нелёгкое, но в нём заложена основа покоя, свободы и религии Бранденбурга. Кромвель хотел бы заручиться содействием курфюрста, чтобы в избирательную капитуляцию был внесён пункт, что ни император, ни курфюрсты, ни князья, ни сословия Германии ни под каким предлогом не будут вмешиваться в войну, которая уже идёт во Фландрии; не станут тем самым на сторону врагов Англии, когда протектор пошлёт поддержку и помощь своему союзнику². Эти переговоры не дали благоприятных результатов, за исключением того, что курфюрст инструктировал своего посла содействовать внесению в избирательную капитуляцию желательного Кромвелю пункта. Кромвель продолжал настойчиво действовать в избранном им направлении. Он приказал полковнику Джепсону спешно отправиться к Бранденбургскому курфюрсту и другим протестантским князьям Германии и убедить их заключить союз со Швецией, доказав им, что от благополучного разрешения этого вопроса зависят преуспевание и слава общей протестантской веры³.

Выборы нового императора происходили среди сложной дипломатической борьбы крупных государств Западной Европы. Майнцкий курфюрст выдвинул проект заключения мира между Испанией и Францией до выборов императора. Это был ход французской дипломатии, рассчитанный на затяжку выборов. Но Мазарини боялся, что Пеньяранда, испанский посол в империи, сумеет убедить курфюрстов, что Франция не хочет мира и что следует прямо приступить к выборам императора, до исследования условий, предложенных Майнцским курфюрстом для заключения мира.

Пеньяранда стремился оторвать Англию от Франции, он стоял за немедленную войну с Францией, стремился привлечь на помощь Испании Австрию, которой должна помочь вся Европа. С его точки зрения, замедление выборов причинило бы страдания всему христианскому миру. Точку зрения Майнцкого курфюрста, что следует раньше заключить мир и отложить выборы императора, он считал вредной для католических инте-

¹ Mazarin Op. cit., VIII, 192.

² Erdmannsloffer. VII. Op. cit., 795.

³ «Venetian Calendar», XXXI, 205.

ресов¹. Папский нунций проявлял агитационную активность больше, чем кто-либо другой.

Выборы состоялись 18 июля 1658 года. Императором стал Леопольд I. В Лондоне эти выборы вызвали печаль «в силу нелюбви к австрийскому дому, а также и других причин, ранее указанных»², — доносил Джаварина дожу и сенату Венеции.

Так как существовало опасение, поддержанное французскими полномочными послами — Грамоном и Лионном, — что Леопольд I выйдет за границы, поставленные ему сословиями Германии после его выборов, то образовалась Рейнская лига, представлявшая союз между французским королём и князьями Германии. Она была орудием французской политики в Германии и была призвана охранять Вестфальский мир. Что касается Англии, то её дипломатия понесла полное поражение: протестантская Европа осталась необъединённой; орудия своей политики, подобного Рейнской лиге, Англия в Европе не имела, императорский престол перешёл к представителю католической партии. Ричард Кромвель в парламентской речи просил обсудить протестантское дело за границей, т. е. войну Швеции с австрийскими Габсбургами. он подчеркнул силу последних, в особенности «императора римлян», как он назвал Леопольда I. Император имеет в виду овладеть Зундом. Ричард Кромвель также отметил необходимость изыскать средства для продолжения войны с Испанией и не забывать больших морских сооружений, созданных голландцами³. Это были отзвуки широкой внешнеполитической программы его отца, для осуществления которой всё меньше и меньше оказывалось условий как внутри Англии, где подготавливалась реставрация Стюартов, тесно связанных с реакционными силами Европы, так и за границей, где французская дипломатия подготовила не только Рейнскую лигу, но и сепаратный Пиренейский мир с Испанией, обеспечивший гегемонию Франции в Европе.

¹ Mazarin. Op. cit., IX, 201—204.

² «Venetian Calendar», XXXI. 232.

³ Ibidem, XXXI, 288.

Тематически связанные материалы в библиотеке ИСТ-MAT / **Vive Liberta**

Поршнев Б.Ф. «Вторая Фронда» и Английская республика
Васютинский В.А. Оливер Кромвель
Архангельский С.И. Английская революция XVII в.
 и аграрные отношения в Англии 1640-1641 гг.

<http://istmat.info/node/29199>